Описание Максима Горького от Екатерины Филатовой

Максим Горький

Установка сознания ведущего блока ЛСИ: жизнь должна подчиняться определенной системе - как в материальном мире, так и в мире человеческих отношений (БЛ - программная функция). И следует прилагать волевые усилия для ее поддержания, усовершенствования и восстановления, если она нарушается (ЧС - реализация программы).

Описание действия функций сильных каналов (ведущий блок)

БЛ - программная функция. Логичная и красивая структура - это стержень всего. ЛСИ - человек структуры, которую он стремится найти, в нее встроиться, ей следовать, ее усовершенствовать. Этому могут способствовать систематизация всего, что его окружает, классификация, установление иерархий, законов. Все это должно быть четко зафиксировано в различных правилах и инструкциях, которые помогают упорядочить жизнь.

Ясно, что тот, кто неукоснительно выполняет все предписания, должен поощряться, ему уготовано более высокое место в служебной иерархии. Необходимо хорошо работать, добиваться высоких результатов - тогда займешь более достойное место в обществе.

Он гордится такой своей способностью и именно в этом наилучшим образом реализует себя. Его самолюбие страдает, если кто-то другой способен сделать ту же работу лучше, чем он. В таких случаях ЛСИ способен начать работать с утроенной силой, чтобы не уронить марку лидера в своем деле (тут сказывается относительно хорошее действие деловой логики - ЧЛ), иначе он может оказаться на более низкой ступени иерархии в собственной умозрительной системе, что для него абсолютно неприемлемо.

Понятно, что такой человек может очень продуктивно действовать на производстве. Чрезвычайно добросовестный, он считает главным для себя работать планомерно и

качественно, в этом он самоутверждается.

ЛСИ всегда конкретен. Его интересуют только насущные проблемы, а не абстрактные теории. Любое дело он продумывает глубоко и основательно, старается разобраться в сути проблемы. Если не хватает сведений - обращается к многочисленным справочникам, чтобы все соответствовало уже известным данным. При этом он частенько напоминает компьютер со встроенной программой, которой он будет следовать неукоснительно, не отклоняясь ни на йоту.

ЧС - функция реализации программы. Сила воли, целеустремленность, порядок и дисциплина - вот основной стиль проведения в жизнь программы ЛСИ. Он стремится занять в служебной иерархии как можно более высокое место, доминировать в коллективе, справедливо полагая, что своим умением организовать труд и качественно работать он это заслужил. ЛСИ живет в жесткой системе своих установок, он ревностно следит за тем, чтобы его место в иерархической вертикали уважали окружающие. Простое несогласие со своим мнением он может расценить, как посягательство на его статус и немедленно перейти к нападению, чтобы поставить на место предполагаемого агрессора.

ЛСИ обладает незаурядной выносливостью и неутомимостью. Во всем, что он делает, он старается достичь совершенства и ревностно следит за тем, чтобы никто другой не превзошел его в тщательности, добросовестности работы и эстетичности сделанного (БС).

Описание действия функций слабых каналов

ЧИ - канал наименьшего сопротивления. В определении чьих-то потенциальных возможностей ЛСИ чувствует себя неуверенно. Ему трудно оценить внутренние качества людей, далекие перспективы развития производства, возможный спрос на товары в будущем. Ему не всегда удается разобраться в психологии другого человека или представить себя на его месте. Во всех этих вопросах ЛСИ проявляет осторожность. Плохо учитывая индивидуальные особенности людей, он склонен их нивелировать. Ему бывает трудно смириться с неординарностью личности, поскольку она не может встроиться ни в какую систему. Проводя с железной настойчивостью свою программу в жизнь, он не догадывается, что есть миры, где прямая логика не работает.

Интровертная интуиция (БИ) у него также обычно не слишком сильно развита: для него не существует ни тайны, ни мистики, ни волшебства.

БЭ - нормативная функция. В отношениях с не очень близкими людьми ЛСИ придерживается норм поведения, принятых в обществе, старается вести себя корректно. На "далекой" дистанции он может показаться даже сравнительно мягким человеком: редко повышает голос, внешне ведет себя очень спокойно. Но не следует забывать, что ЛСИ - человек скрытный и говорит отнюдь не все, о чем думает. Он не всегда может почувствовать настроение человека, и нередки случаи, когда он способен прилюдно сделать выговор, правильный по существу, но обидный по форме.

Ему бывает трудно установить желаемые отношения с человеком (в том числе и лицом противоположного пола), если только они не касаются производственной сферы. В то же время ему трудно изменить и уже сложившиеся личные отношения, если он даже чувствует в этом необходимость.

При всей его логически целесообразной манере поведения, переходящей в жесткость (а порой и в жестокость), в особые минуты ему свойственны наплывы сентиментальности. В свободное от нужных дел время ЛСИ может смотреть чувствительные телесериалы, при этом на глазах (даже у мужчин) наворачиваются слезы. Проявления экстравертной этики (ЧЭ) у ЛСИ, таким образом, часто бывают довольно инфантильны. А бывают и такие моменты, когда ЛСИ вдруг охватывают вспышки необузданной ярости, - в эти минуты он плохо способен себя контролировать.

ЛСИ на работе и дома

ЛСИ считает себя вправе занимать высокий руководящий пост, поскольку все его устремления направлены на то, чтобы сделать свое дело лучше других. Он умеет очень точно сформулировать задачу своим подчиненным, проинструктировать их до мельчайших подробностей и одновременно требует такого же четкого исполнения своих поручений.

Как правило, в своем деле он весьма добросовестен и того же требует от других. Слабость его этической функции не способствует тому, чтобы он мог и хотел вникать в

человеческие проблемы своих подчиненных.

В должности руководителя ЛСИ проявляет требовательность, может применить достаточно жесткие санкции к провинившимся - выговор, административное давление... Приложив много усилий для того, чтобы занять как можно более высокий пост, он считает себя вправе не слишком обращать внимание на мнение тех, кто стоит ниже его по служебной лестнице, зато полагает себя обязанным неукоснительно выполнять распоряжения тех, кто выше. Чтобы обезопасить себя по отношению к подчиненным, ЛСИ предпочитает пользоваться юридическими законами, ведомственными инструкциями.

Будучи администратором, ЛСИ считает, что все должны подчиняться тому, что, по его мнению, верно, и он способен это "железно" и методично проводить в жизнь, не давая ни себе, ни другим никаких поблажек.

Не хочется, чтобы у читателя сложилось впечатление о нем как о некой ходячей машине. Не надо забывать, что любой психотип - прежде всего человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Конечно, исходя из всего вышесказанного, нетрудно заключить, что ЛСИ - прежде всего человек системы, иерархии, именно в строгих регламентированных условиях ему легче всего проявить наиболее сильные свойства своего характера. Если он чувствует себя неотъемлемой частью системы, он уверен в себе и спокоен.

Говоря об этом психотипе, следует прежде всего заметить, что мало найдется людей, обладающих такой же степенью надежности, как он. Это - честный партнер, исполнительный подчиненный, верный муж, и если уж искать человека, на которого можно положиться, то мало кто может в этом превзойти ЛСИ. В отношениях с людьми он бывает жестким, это правда. Но не забудьте о его высоком чувстве справедливости и порядка! Это человек, чрезвычайно продуктивно работающий в производственной сфере, когда своевременность выполнения обязательств играет решающую роль. В творческом коллективе, там, где требуются воображение и способность нестандартно мыслить, - ЛСИ, конечно, будет проигрывать.

Логико-сенсорный интроверт рассказывает о себе, и другие - о нем

Наиболее полно, на мой взгляд, строгая логическая система проявляется в математических символах, - вероятно, именно поэтому я стал математиком. Мне нравится, когда преподаватель излагает материал кратко и ясно, разбивает его на параграфы и пункты, Я и сам стараюсь придерживаться этих принципов. На работе ли, в быту ли, в увлечениях - везде стремлюсь к систематизации. Например, все книги у меня расставлены по жанрам, кассеты для магнитофона пронумерованы. Эта тяга проявилась у меня еще в школьные годы. Когда моя младшая сестра подросла, родители достали откуда-то из своих запасов несколько коробок с диафильмами, чтобы я ей показывал. Диафильмы были свалены в кучу, коробки с названиями не соответствовали содержимому, и довольно скоро мне это надоело. Я разложил все диафильмы по коробочкам, на каждой написал номер, сделал ячейки из картона и составил нечто вроде каталога. До сих пор я помню, какое огромное удовольствие доставил мне полученный результат...

Последнее замечание здесь говорит об очень важном обстоятельстве: действительно, все действия, выполняемые по сильной функции, доставляют человеку радость, - это относится не только к ЛСИ. Главное стремление, сокрытое в психике человека, обязательно должно иметь свой выход. Собственно, реализация этого стремления и есть радость.

Со студентами, которых я обучаю, у меня, в общем, неплохие отношения. Иногда они просят простить им какой-нибудь долг. В таких случаях я непреклонен, хотя сам недавно был в их же шкуре. Но я считаю, что установленные правила должны строго выполняться. Иной раз мне кажется, что надо бы быть с ними помягче... Но, в конце концов, это мне претит.

Я достаточно честолюбив: стараюсь и на работе, и в любительских занятиях все делать лучше других. Это, конечно, не всегда удается, хотя я в этом своем стремлении достаточно настойчив, а иногда, быть может, и упрям. Впрочем, к неудачам я отношусь более или менее спокойно, хотя они не прибавляют мне хорошего настроения.

Не правда ли, четко работает у ЛСИ волевая сенсорика?

Честолюбие, - но не открыто-наступательное, как у Жукова, а скрытое, далеко рассчитанное, методичное, хорошо спланированное. Неудачи, хоть и огорчают, но прежде всего вызывают молчаливый вопрос к самому себе: "Что же я тут не до

конца предусмотрел?."

Именно так у ЛСИ действует его сильная вторая функция.

Первое, что бросается в глаза: Т. очень аккуратен, можно сказать, "чистюля". У него есть единственная пара туфель, которые он носит вот уже два года, но, поскольку он чистит их ежедневно, они до сих пор смотрятся, как новые. Интересно, что чистит он их прямо в комнате, ставит на стул, долго разглядывает. Постоянно гладит брюки, даже джинсы. Через 2-3 дня меняет рубашки. Носит белые носки и меняет их каждый день: каждый день тщательно стирает, замачивая перед стиркой.

С *утра он всегда знает, что будет делать весь день до самого вечера. Сейчас, когда перед сессией приходится много заниматься, он предложил мне встречаться только по субботам и воскресеньям. Так мы и делаем. В начале нашего знакомства я бы обиделась и решила, что он меня не любит. Сейчас - нет, я вижу, что он скучает обо мне, это я хорошо вижу, когда мы случайно встречаемся, просто он делает то, что для него нормально.*

Почему-то он решил, что движущей силой поступков женщины является ревность: из-за этого, дескать, происходят все ссоры и недоразумения. Если, например, я злюсь на соседку за то, что она не хочет встать и открыть дверь, когда пришел в гости наш сосед Ш., то он мне может вдруг ляпнуть: "Ты не можешь простить ей того, что она у тебя Ш. отбила!" И это при том, что, разумеется, никто никого у меня не "отбивал". Но возражать и возмущаться тут не имеет смысла, потому что переубедить его невозможно. С ним проще, когда я заранее втолковываю ему: "Я не люблю врать и не хочу врать. И меня просто обижает, когда ты делаешь мне такие нелепые замечания!" Он это запоминает и потом при случае беспокоится: не обидел ли он меня?

Да, ЛСИ знает за собой эту черту: способность, не желая того, нанести человеку обиду. Если, к тому же, этот человек для него слишком дорог, это не может его не беспокоить: он ведь не в силах контролировать себя по своей слабой функции! Лучшая тактика в этом случае - предусмотрительная осторожность: именно так и склонен поступать ЛСИ.

Любопытна тут еще одна деталь: мнение, будто ревность есть причина всех недоразумений у женщин. Действительно, это нелепо - объяснять столь примитивной (и к тому же единственной) причиной всю сложнейшую ткань женских взаимоотношений. Но прагматичному логику Максиму так - проще. Он в это и не вникает особенно: это ему не нужно. Но поскольку он должен как-то убедительно (хотя бы для самого себя) истолковывать малопонятные вещи, он идет доступным ему путем - строит свою систему, объясняющую ситуацию.

Несколько слов о моем муже. Он - мужчина с восточным типом лица, но не думайте, что от этого он пылок, как южанин. "Знойный мужчина" - это не про него...

Об эмоциональной поддержке говорить не приходится: все самые ласковые слова я слышала от него в первый и последний раз на свадьбе. Но и тогда для него это было настолько сложно, что под конец я стала сама подсказывать...

Я попросила его купить мне свадебное платье, а он недоумевает: "Зачем тебе платье, если ты можешь взять его у сестры?" Объяснять ему, что мне хочется иметь свое платье, а надевать на свадьбу чужое - дурная примета, было совершенно бесполезно.

Увы, да. Для ЛСИ существенна польза, но несущественно волшебство. И нет для него никакого смысла там, где нет цели.

Приходя утром на работу, М. переобувается в туфли, которые ровненько стоят у него под столом (кроме него этого больше никто в комнате не делает). Затем он тщательно расчесывается расческой, которая всегда лежит у него в верхнем ящике стола в правом углу. Это все напоминает какой-то ритуал. Всегда М. планирует всю работу на следующий день, а затем пунктуально, с точностью до минут, выполняет запланированное.

В его рабочей тетради все написано аккуратно, все подчеркнуто фломастерами разных цветов; сокращений он не любит, все слова написаны полностью.

Случайно зайдя к нему однажды домой, я обнаружила, что он давно и серьезно увлекается рок-н-роллом и собрал уже целую фонотеку, хотя в разговорах даже ни разу об этом не упомянул. Правда, оказалось, что, несмотря на его любовь к музыке, ему очень не нравятся Ж. Агузарова и В. Леонтьев - слишком экстравагантны, а экстравагантности он не любит.

На столе в его кабинете лежит "Кодекс законов о труде", в который он иногда заглядывает, чтобы удостовериться в правильности действий начальника.

Однажды он и его жена (ИЭИ, Есенин) подписали договор с одним малым предприятием о разработке программы для компьютера с тремя режимами работы. На следующий день приходит представитель этого предприятия и просит, чтобы супруги согласились добавить еще один режим. Легко внушаемая жена быстро соглашается с доводами просителя и уже готова к дополнительной работе, тут в разговор вступает муж, не терпящий беспорядка. Он заявляет: "Договор уже подписан и ни о каких изменениях не может быть речи". Представитель предприятия начинает убеждать его в том, что не все сразу можно предусмотреть, что понадобится четвертый режим, что только сегодня они поняли, что без этого режима не обойтись. На все эти доводы упорный М. отвечает не допускающим возражений тоном: "Мы же не сразу все подписали, мы дали вам время подумать, еще и спросили, все ли вы учли, все ли это, что вам нужно, и вы ответили, что это - все. Чего же вы хотите теперь?"

Представитель предприятия делает последнюю попытку уговорить несгибаемого оппонента, он подробно расписывает, как им нужен этот злосчастный режим, на что слышит ответ: "Если уж вам так сильно нужен этот режим, давайте по всем правилам оформлять другой договор", на что испуганный представитель отвечает: "Лучше уж пусть все остается, как было раньше".

Вряд ли можно сомневаться, что незадачливый партнер "несгибаемого" ЛСИ надолго запомнит этот диалог и в следующий раз предпочтет более гибкого сотрудника!

Вот - случай, когда "компьютерная" точность деловых качеств ЛСИ может вступить в противоречие даже с простым здравым смыслом и повредить выгодному сотрудничеству. Если бы у ЛСИ в числе его сильнейших функций была бы этика отношений (БЭ), то именно она могла бы подсказать ему верную тактику поведения, но ЛСИ трудно выйти за пределы формальной логики даже там, где она далеко не в его

интересах.

Самый верный ответ на любой вопрос о ней - "средний". Рост - средний, глаза - не большие и не маленькие, не худая и не полная, голос - не громкий и не тихий, движения - не быстрые и не медленные... и так во всем. Такое впечатление, что она воплощает в себе статистически среднюю женщину.

Работает она в больнице кастеляншей. Все простыни, наволочки, полотенца и пододеяльники разложены в ее кладовой ровными стопками, все данные записаны в специальной книге, в которой она ведет учет своему хозяйству. Почерк ее, так же, как и она сама, - аккуратный, буквы не крупные и не мелкие, ложатся ровно и гладко - как учили в школе.

Если кто-то не смог вернуть сразу, скажем, полотенце, она не будет скандалить, а запишет долг и попросит расписаться, а когда долг вернут - так же спокойно и методично вычеркнет свою запись. За много лет работы я не помню случая, чтобы она как-то выбилась из этой своей усредненности - громко засмеялась или возмутилась чем-нибудь, ответила бы кому-то резкостью, - нет, она всегда спокойна, в меру приветлива, но никогда не весела. Такое впечатление, что она работает на этом месте с незапамятных времен, и всегда будет неотъемлемой частью этой кладовой, и возраст ее никогда не изменится - всегда будет "средним", и все всегда будет в ней "в меру".

Эта женщина точно соответствует системе, в которой работает. Пожалуй, дополнительные комментарии здесь не нужны.

В детстве я мог часами наводить порядок в своей комнате, добиваясь, чтобы все вещи лежали строго на своих местах. При этом порядок я ставил выше чистоты, хотя грязнулей никогда не был. Моих родителей поражала та настойчивость, с которой я многие часы подряд оттачивал точность руки, рисуя многоэтажное здание, корабль на подводных крыльях или самолет. При этом я перебирал все возможные пропорции, чтобы найти истинные, порождающие ту красоту, которая запечатлелась у меня в памяти. Позже я понял, что не меньшая красота может содержаться и в логических построениях - в математике, программировании.

Аккуратность я ценю и в одежде. Меня порой просто угнетает внешний вид некоторых преподавателей-мужчин в нашем университете. В отличие от многих из них, я гораздо уютнее чувствую себя в галстуке, совершенно не приемлю нынешний купеческий стиль или аляповатые рубашки. Летом не могу ходить босиком, мне это кажется элементарной распущенностью.

Автор этих строк фактически свидетельствует, что логический ум превыше всего ценит соответствие, что именно в нем он находит эстетическую ценность. Отсюда - неутомимость в изображении домов, кораблей и самолетов... Последняя же фраза, пожалуй, говорит о том, что, заботясь о внешнем порядке, ЛСИ лишает себя некоторых простых радостей в этой жизни.

Родители настойчиво рекомендовали мне завести себе друзей среди сверстников. Я искренне пытался следовать этим советам, но, несмотря на огромное эмоциональное напряжение, все мои попытки были тщетны. Я просто не знал, с чего начать, не представлял себе, о чем можно говорить с другими детьми. Поэтому я не любил выходить на улицу и довольствовался созерцанием окружающего мира из окна.

Позднее, в подростковом возрасте, я стал надолго уходить из дома, забредая в лес подальше от нашего городка, где не было таких странных и непонятных для меня сверстников, в обществе которых я чувствовал себя чужим, "белой вороной". Проводя многие часы в окружении сосен и берез, я научился ценить и любить природу.

В те же годы возник интерес также к истории, географии, картографии, теории градостроительства, архитектуре и другим подобным вещам, увлечение которыми многим, наверное, показалось бы странным. Наивысшую красоту и гармонию я видел в техническом дизайне и мог, например, несколько раз съездить на велосипеде в Новосибирск (30 км от нашего городка) - хотел запомнить, как выглядит теплоход "Ракета", для того, чтобы потом иметь возможность быстро, в любом ракурсе и с мельчайшими подробностями воссоздать в уме ее образ - это доставляло мне большое наслаждение.

Видимо, странным выбором объекта своих интересов я обязан, в первую очередь, своему одиночеству и отсутствию общения с другими людьми. Но нельзя сказать, что при этом я чувствовал себя самодостаточной системой. Иногда, гуляя где-нибудь в живописном месте, я вдруг начинал остро чувствовать свою ненужность, бесполезность и

невозможность считаться нормальным человеком. Я понимал, что у человека, который не может гармонично сосуществовать с другими, не может быть гармоничным и его внутренний мир. Другие люди, в особенности сверстники, никогда не понимали меня, но если признаться честно, то и я, скорее всего, не был способен понять других. Например, я никогда не понимал, зачем поздравлять людей с днем рождения, с праздником: мне непонятно, какую роль в установлении отношений играют подарки. Для меня крайне неловко, даже физически трудно было делать людям приятное, заводить светскую беседу, даже если я понимал необходимость этого. Если я пытался говорить комплименты, то делал это, как правило, неуклюже и не к месту. Что бы я ни говорил, стараясь вызвать людей на разговор или рассмешить шуткой, - ответной реакции никогда не было.

В более раннем возрасте я подвергался самой откровенной травле со стороны моих сверстников. Тогда я был близок к мысли, что они издеваются надо мной по графику: каждый знает, в какой день и в какой степени меня следует третировать, старшие натравливали на меня младших. Однажды, вооружившись, бумагой и ручкой, я даже попытался воссоздать этот график.

С негодованием я отвергал доводы моих родителей о том, что дело, прежде всего, во мне самом, и считал своих сверстников, мягко выражаясь, нехорошими людьми. Сам же я представлял себя несравненно выше их и в интеллектуальном, и в моральном отношениях, что, впрочем, не мешало мне лелеять мечты о мести как всему обществу, так и отдельным его членам. Правда, я не был законченным идиотом и понимал, что этим мечтам никогда не удастся сбыться, у меня никогда не хватит ни физических сил, ни решимости - это меня страшно огорчало и нервировало. И я не принимал их мораль, - по моему мнению, бандитскую. Все больше и больше я ожесточался, считая, что не только могу, но и обязан действовать наперекор их законам воровской чести.

Я практически никогда не дрался. В первую очередь это было продиктовано моими слабыми физическими возможностями, поэтому, прежде всего, я старался надеть на себя маску холодной непроницаемости. Недруги это чувствовали и старались прежде всего сорвать с меня эту маску. Пару раз им это удалось, и эти моменты я считаю самыми позорными в моей жизни.

Позже я частично опомнился, детская озлобленность прошла, я понял, что часто сам был виноват, что нет однозначно людей плохих и хороших.

Теперь я понимаю, как много неприятностей я доставлял своим родителям и некоторым другим людям своей прямолинейной критикой: мне казалось, что главное - это говорить логически убедительно, образно. При этом я совершенно не задумывался о том, как это может подействовать на чувства человека. Я не учитывал то, что теперь для меня очевидно: когда люди слушают критику в свой адрес, в них поднимается эмоциональный протест, который мешает воспринять самые логичные доводы, говорящие об их "низости" и "подлости".

Не правда ли, эта исповедь вызывает самое искреннее сочувствие и желание помочь юноше. Чувствуется та боль, с которой живет ребенок и подросток ЛСИ, не умея установить эмоциональный контакт со сверстниками. Слабость этической функции логика отнюдь не означает, что эмоциональный мир для него закрыт. Напротив, его эмоции могут быть очень сильны, но они слабо дифференцированы для того, чтобы он умел ими управлять. Поэтому он оказывается в эмоциональной зависимости от обстоятельств. Эта ситуация усугубляется отсутствием гибкости в его основной программной установке, жесткостью его системы ценностей.

Похоронив мужа, она перебралась в семью своей дочери и жила там с зятем и двумя внучками. Женщина очень не глупая, но не получившая практически никакого образования, она в 50 лет начала читать, - сперва по слогам, а после и вполне сносно.

В ее представлении мир делился на высших и низших. Перед высшими следовало гнуть спину, а низших при случае можно было и унизить для самоутверждения.

Высшими в этой семье были для нее те, кто приносил домой деньги, - дочь и зять, а низшими - внучки. Интересно, что и к своим родным внучкам она относилась по-разному: младшенькую, светленькую, ласковую и нежную тихоню - обожала. Старшая в то время была довольно угловата, занята какими-то непонятными делами, вечно растрепана, бывало, приходила домой с разбитыми коленками, замкнутая, порой резкая, - бабушкиным благоволением она не пользовалась. По-видимому, характерное для женщин-ЛСИ стремление быть хранительницей домашнего очага и заботиться о любимом человеке, особенно ребенке, полностью реализовывалось любовью к младшенькой, в то время как потребность постоянно демонстрировать кому-то свое превосходство вымещалась на старшей.

Со временем постоянно опекаемая бабушкой младшая стала лениться, отлынивала от

работы по дому, стараясь улизнуть, чтобы все дела за нее сделал кто-то другой; чаще всего этот "кто-то" была бабушка. Старшей же доставались упреки, ругань, окрики, будто в доме росла падчерица.

Бабушка очень ревниво относилась к публичному признанию своих заслуг: главным делом своей жизни в семье она считала ведение хозяйства. В ее поведении была заметна своего рода театральность, особенно часто сцены разыгрывались по субботам, когда большинство членов семьи находились дома.

Приготовив обед и поставив еду на стол, бабушка с самым смиренным видом, который должен был означать: "я здесь самый ничтожный человек", уходила в свою комнату. А дальше все происходило по одному и тому же сценарию каждый из домочадцев должен был идти за ней и уговаривать ее сесть со всеми за стол. Поломавшись некоторое время, она уступала униженным, просьбам родственников и выходила из комнаты. Было не очень понятно, что произойдет, если ее не удастся "уломать" и за стол все сядут без нее, но поступить так и в голову никому не приходило, все понимали - хуже будет!

Было заметно, что бабушка ревностно следит за своим статусом, постоянно пытаясь его повысить, и единственным существом в доме, используемым для этой цели, была старшая внучка. Когда никого, кроме этой девочки, в доме не было, бабушка вдруг закатывала глаза, валилась на пол и начинала кататься по нему, всхлипывая и бормоча что-то нечленораздельное. Каким-то шестым чувством девочка понимала, что все это - игра чистой воды, поэтому после нескольких таких представлений стала просто уходить из дома. Тогда спектакли прекратились.

Младшую же внучку бабушка просто обожала, что называется, - не могла на нее надышаться. "Ласковый теленок двух маток сосет", - любила говорить она, намекая на угловатость старшей и мягкость младшей. Когда младшая девочка выросла, бабушка продолжала служить ей самым преданным образом, стараясь накормить ее как можно вкуснее, выпросить для нее у родителей денег и купить платье, сама подсовывала ей деньги, снимая проценты со счета, который образовался у нее от продажи дома после смерти мужа.

Вот таким образом может проявиться недифференцированность слабых эмоций психотипа Максим. Бабушка находится в плену своей привязанности к одному члену

семьи, отказывая в элементарной заботе и внимании другому. Очевидно, младшая девочка быстро усвоила эту черту характера бабушки и своей ласковостью успешно манипулировала, легко добиваясь желаемого.

Очень характерными для психотипа ЛСИ является также и потребность соблюдать "вертикальную иерархию", точно определить в структуре (в данном случае - в семье), кто выше, а кто - ниже, следовать этому порядку и ни в коем случае не нарушать его. Для этого периодически бабушка демонстрирует старшей внучке собственное самодурство, но девочка уклоняется от наблюдения за отвратительными сценами, проявляя тем самым пассивный протест.

До войны мой отец работал в Ленинграде на одном из военных заводов, в коллективе, который занимался разработкой шифровальных аппаратов для Генштаба. Работа шла очень напряженно и за 2 - 3 месяца до нападения фашистов была закончена. Позднее с удовольствием и гордостью отец отмечал, что аппарат исправно работал всю войну, и немцы так и не смогли раскрыть его шифр.

Во время войны завод был эвакуирован за Урал, и перед коллективом была поставлена задача: наладить массовый выпуск радиостанций для партизанских отрядов. Ситуация осложнялась тем, что, кроме нескольких кадровых работников завода, которых не могли отправить на фронт по понятным причинам, персонал состоял из истощенных подростков, часто падавших в голодные обмороки и засыпавших на своих рабочих местах. В таких условиях надо было разворачивать конвейер.

И отцу удалось такой конвейер наладить: вдоль длинных рядов столов, за которыми сидели подростки, он быстро перебегал от одного к другому и быстро показывал: делай так, паяй здесь, присоедини сюда.... И так - весь день, как сеанс одновременной игры. В результате, после выпуска первой партии аппаратуры, отец получил дистрофию и глубокое нервное переутомление.

Каково же было возмущение отца, когда он через довольно длительное время после окончания сборки первой партии случайно обнаружил, что вся эта аппаратура лежит на складе. Любая конфронтация с начальством в те годы могла привести к аресту и даже расстрелу, но это его не остановило, и он в резкой форме потребовал от директора завода немедленной отправки партии радиостанций. Как потом он узнал, директор придерживал эту партию аппаратуры и, ссылаясь на трудности, требовал в верхах

дополнительные ресурсы.

Отца уволили, но до ареста дело не дошло - немедленно остановился конвейер, потому что пошел брак. Отца снова взяли на работу на завод начальником ОТК, и он снова, уже иными средствами, которые у него были в руках, сумел наладить качественное производство продукции. Позднее, сдав сразу 2 партии радиоаппаратуры, директор получил орден, повесив без зазрения совести его себе на грудь. "Стервец", - так определил отец этого директора.

А вообще отец остерегался оценивать качества людей, он оценивал, скорее, их поступки. С его точки зрения, не могло быть таких обстоятельств, которые бы оправдывали небрежную работу, "авось" - для него не существовало ни в чем.

"Кое-какер", - так презрительно отзывался он о том, кто работал спустя рукава. Сам же он, за что бы ни брался, делал все с большим запасом прочности. Например, никогда не использовал гвозди, а только шурупы, которые сажал на лак. Все изготовленное им уже никогда не ломалось и было сверхнадежным.

Вскоре после войны отец купил машину, и за все долгие годы ее вождения он ни разу не попал ни в одну аварию. Это непостижимо и трудно в это поверить, но его водительские права были совершенно чисты, несмотря на солидный водительский стаж - более тридцати лет. Основные принципы, которыми он часто пользовался, это - "пропусти дурака" и "нужно предвидеть". Его подстраховки были настолько основательны, что в неожиданные ситуации он практически никогда не попадал. Его предусмотрительность проявлялась практически во всем, в том числе и о отношениях с людьми. Я не могу вспомнить ни одного случая, чтобы он с кем-то подрался - таких ситуаций просто не возникало, он хорошо просчитывал их и умело избегал.

Еще одним характерным свойством его натуры было то, что он собирал и хранил очень большое количество разных деталей, инструментов, материалов, которые могли ему пригодиться. Все это могло храниться в доме буквально кубометрами, и, как часто смеялась мама, - "у него в прихожей за шкафом лежат еще две машины".

Свое понимание того, что и как надо делать, отец старался вложить в меня и мою сестру.

Интересно, что при этом он не объяснял, почему это следует делать так или иначе, а просто говорил, как нужно все подготовить, как лучше оформить, как записать результат, в каком порядке лучше действовать, как составить схему и т.д. Если сестра не могла действовать в рамках такой жесткой системы, он начинал орать на псе и даже хвататься за ремень. Но, несмотря на это, именно с сестрой у него были самые теплые отношения до самой его смерти, она всегда чувствовала, что наказывают не ее как личность, а ее неправильные действия.

Любопытно, что при такой жесткости в отношениях даже с близкими людьми отец мог заливаться слезами, глядя сентиментальное индийские сериалы, у него наворачивались слезы на глазах, когда он рассказывал о своем прошлом. И это свойство характера сочеталось в нем со взрывами ярости и негодования, если чувствовал себя обиженным, если, как ему казалось, над ним издеваются. Чаще всего такие сцены происходили после того, как бабушка (психотип ЭИЭ) говорила ему неожиданно нечто эмоционально-язвительное. Он мог при этом потерять контроль над собой. Однажды такое замечание бабушка сделала ему в тот момент, когда он надевал брюки, собираясь на работу. Он стал топать ногами, кричать и даже разорвал брюки в клочья. А был такой случай, что он а подобной ситуации, которые возникали примерно раз в неделю, запустил в бабушку утюгом, но не попал (по-видимому, это не входило в его планы). Было очевидно, что эмоционально-интуитивная область была ему совершенно чужда.

У него было своеобразное чувство юмора, он довольно равнодушно относился к анекдотам, смеялся редко, но, если это происходило - то от всей души, до слез. При этом он никогда не смеялся над кем-то, но - над ситуацией. Помню, мы всей семьей отдыхали в Крыму, однажды отправились в горы - там увидели пруд с золотыми рыбками и тритонами. Все. стали бегать, веселиться, брызгать водой друг на друга, и отец, ради шутки, поймав тритона и бросив его в сестру, попал ей прямо в открытый рот. Сестра возмутилась, мы все смеялись, а отец прямо хохотал до слез.

У *него была великолепная двигательная реакция, до глубокой старости он был очень подвижен и исключительно вынослив. Долгие годы он был чемпионом по настольному теннису в своей воинской части, прекрасно стрелял из пистолета, очень любил плавать. Но его никогда не привлекали соревнования и гонки, скорее, он занимался физкультурой. Однако он, как правило, избегал силовых видов деятельности, при переездах никогда не паковал больших чемоданов, хотя отнюдь не был слабаком.*

В шестидесятые годы он работал в одном из военных НИИ с исключительно высокой планкой секретности. В те же годы мне представилась возможность поехать на Сахалин.

Имея в виду близость Сахалина к Японии и некоторую, весьма возможную вероятность для меня оказаться в Стране восходящего солнца в результате штормов или провокаций, отец меня предупредил: "У меня такая работа, что, если будут попытки воздействовать через тебя, чтобы я передал им нужную информацию, - знай, что тайнами, которыми я владею, никогда не поступлюсь ни при каких условиях". Действительно, он никогда и никого не "закладывал" и даже те, кого он частенько "строгал", - все равно относились к нему с большим уважением..

Перед нами почти хрестоматийный портрет ЛСИ, блюстителя системы и порядка, прекрасного организатора конвейера, портрет человека, для которого долг - превыше всего, даже если на карту была бы поставлена судьба его сына. Достаточно наглядно в нем просматривается и слабая интуиция: ему проще объяснить, что и как надо делать, чем ответить на вопрос: почему? Отмеченная предусмотрительность в избежание разных непредсказуемых ситуаций связана, конечно, не с интуицией, а с умением быстро и точно просчитать возможные варианты и выбрать из них наиболее оптимальный.

Однако мы должны хорошо помнить о том, что соционика описывает лишь структуру психотипа, не касаясь тех моральных ценностей, которыми эта структура может быть наполнена. ЛСИ - тот, кто чтит кодекс чести, и это свойство его натуры достаточно убедительно продемонстрировано в предыдущем рассказе. Однако если ЛСИ оказался в криминальном мире, то он станет таким же ревностным приверженцем законов криминального мира. Поэтому нет ничего удивительного в том, что одни представители ЛСИ могут быть жестокими, холодно рассчитывающими свои действия, в том числе и криминальные, в то время как другие проявляют самоотверженность во имя выполнения своего долга. Пример такого служения своему делу вы найдете в следующем сюжете.

Наш геологический отряд работал в степи у основания небольшой горы. Оставив шофера готовить ужин, мы стали подниматься в гору, чтобы обследовать ее. И вдруг сверху увидели, что шофер, разведя костер, не справился с огнем, и пламя быстро охватывает сухую траву, приближаясь к машине, - в степи пожар распространяется с невероятной скоростью. Я сразу же бросился вниз, крича шоферу: "Отгони машину!" Он же перепугался настолько, что забыл о нами же вырытых шурфах, и через минуту машина оказалась на боку. Шофер выскочил и побежал прочь от опасного места, огонь уже был рядом, и бензобак мог взорваться в любую минуту. У меня была только одна мысль: "Я должен спасти машину". Пламя уже полыхало вокруг нее, я сорвал с себя куртку и стал сбивать его всеми силами и с травы, и с машины, а главное - с бензобака. Огонь удалось погасить, и только тогда ко мне пришел страх - ведь я мог вообще погибнуть, но в тот критический момент я думал только о деле, за которое нес ответственность.

(C) Екатерина Филатова "Искусство понимать себя и окружающих"

Обсудить статью на форуме